
Алексей Агапов
СЕРИЯ КНИГ
ОХОТНИК НА ВАМПИРОВ
КНИГА 1
"КРОВЬ НА НЕВЕ"

Алексей Агапов

Охотник на вампиров. книга 1 «Кровь на Неве»

«Автор»
2026

Агапов А.

Охотник на вампиров. книга 1 «Кровь на Неве» / А. Агапов — «Автор», 2026

Он — полувампир. Его оружие — серебро и сыворотка. Его война — с теми, кто хочет поработить Россию.Дмитрий Соколов не человек. И не вампир. Он — дампир, полукровка, изгой двух миров. Бывший спецназовец, ставший охотником после того, как его укусили и оставили умирать. Теперь он живёт в подвалах Петербурга, пьёт сыворотку, подавляющую жажду крови, и делает то, что умеет лучше всего: убивает монстров.Но однажды ночью на набережной канала Грибоедова он находит труп с двумя аккуратными ранками на шее и понимает: в городе появился кто-то новый. Кто-то древний. Кто-то, кто не просто охотится, а строит империю.

© Агапов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Труп на канале 6
Глава 2. Сыворотка и жажда 9
Глава 3. Допрос информатора 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Алексей Агапов
Охотник на вампиров.
книга 1 «Кровь на Неве»

Дневной Бродяга-Охотник на вампиров
Книга 1: «Кровь на Неве»

Глава 1. Труп на канале

Ночь выдалась сырой и промозглой, как это бывает в Петербурге в конце октября. Морось висела в воздухе мелкой водяной пылью, оседала на чугунных решётках, на гранитных парапетах, на плечах редких прохожих. Город будто выдыхал холодную влагу, и она не рассеивалась, а липла ко всему, делая даже звуки глуше и мягче.

Дмитрий Соколов стоял на набережной канала Грибоедова, у самой кромки воды, и смотрел вниз. Тело лежало на гранитных плитах, раскинув руки, будто человек в последний момент пытался ухватиться за что-то, чего уже не было. Мужчина лет сорока, в тёмно-синем пальто из дорогой шерсти, с золотыми запонками на манжетах. Лицо спокойное, почти умиротворённое — так не умирают от страха. Так умирают, когда смерть приходит внезапно и не оставляет времени на гримасы.

Дмитрий присел на корточки, не касаясь тела. Он умел смотреть и не трогать. Этому его научил Николай — старый охотник, который двадцать лет назад вытащил его из сточной канавы, полумёртвого, с прокушенной шеей и безумной жаждой в горле. «Первое правило, — говорил Николай, — не трогай, пока не поймёшь. Второе — пойми, прежде чем трогать. Третье — если тронул, будь готов, что оно тебя тоже тронет».

Дмитрий не торопился. Он достал из внутреннего кармана плаща маленький фонарик, посветил на шею мужчины. Две аккуратные ранки, расположенные симметрично, с небольшим расстоянием между ними. Не рваные, не разорванные, а именно проколы — чистые, почти хирургические. Крови почти нет: только тёмное пятно на граните, уже размытое моросью, и несколько капель на воротнике пальто. Значит, кровь забрали быстро и аккуратно. Не уличный упырь, который в голодном бреду рвёт глотку и разбрызгивает вокруг себя, как свинья. Это работа мастера.

Дмитрий выпрямился, огляделся. Набережная была пуста. Фонари отбрасывали жёлтые пятна на мокрый асфальт, в чёрной воде канала дрожали отражения. Где-то далеко, на другом берегу, проехала машина — звук шин по лужам донёсся приглушённо, словно через вату. Потом снова тишина. Только вода шевелилась у парапета, да ветер трепал ветви ивы, склонившейся над каналом.

Дмитрий принюхался. Вампиры оставляют запах — сладковатый, с металлическим привкусом, как подгнившие фрукты, политые кровью. Человеческий нос его не уловит, но Дмитрий не был человеком. Он был дампиром — полукровкой, ублюдком двух миров, и его обоняние могло посоперничать с собачьим. Запах был. Слабый, но отчётливый. Он тянулся от тела к парапету, потом вниз, к воде. Дмитрий перегнулся через чугунную решётку, вгляделся в темноту под мостом. Там, у самой кромки, покачивалась лодка. Старая, деревянная, с вёслами. Пустая.

«Ушёл по воде, — подумал Дмитрий. — Умно. Собаки не возьмут след, если он холодный и мокрый. И запах смывает».

Он выпрямился, сунул руку в карман плаща, нащупал металлическую флягу. Сыворотка. Николай называл её «секретом старого охотника», но на самом деле это была смесь чеснока, святой воды, серебряной пыли и ещё чего-то, что старик держал в секрете даже от него. Дмитрий сделал глоток. Жидкость обожгла горло, прошла по пищеводу, растеклась по телу теплом, а потом холодом. Жажда, которая всегда сидела где-то под рёбрами, свернувшись клубком, отступила. На несколько часов. Потом вернётся. Она всегда возвращалась.

Он убрал флягу. Посмотрел на тело ещё раз. Мужчина. Дорогая одежда. Часы на запястье — «Omega», золотые, с кожаным ремешком. Такие часы стоят как квартира в центре. Значит, не бомж, не случайный прохожий. Кто-то важный. Кто-то, кого убили не ради еды, а ради демонстрации.

Дмитрий достал телефон, сделал несколько снимков. Тело, шея, часы, лицо. Потом набрал номер.

— Николай. Это я. На Грибоедова, у Сенной. Труп. Мужчина, сорок лет, дорогое пальто. Две ранки на шее, аккуратные. Крови почти нет. Похоже на мастера.

В трубке послышалось шуршание — Николай, видимо, встал с дивана, где обычно дремал перед телевизором.

— Ярослав? — спросил старик.

— Может быть. Раньше он так не работал. Это не просто охота. Это витрина. Он хочет, чтобы мы увидели.

— Или чтобы увидели те, кому надо.

Дмитрий помолчал. Потом сказал:

— Я проверю лодку. Может, что осталось.

— Осторожно. Если это он, он мог оставить сюрприз.

— Я всегда осторожен.

Он отключился. Убрал телефон. Снова посмотрел на воду. Лодка покачивалась, пустая, будто приглашала. Дмитрий не стал спускаться. Вместо этого он подошёл к парапету, встал так, чтобы видеть и мост, и набережную, и подходы к воде. Привычка. Опыт. Николай учил: «Прежде чем лезть в нору, посмотри, кто из неё может вылезти».

И тут за спиной раздался шорох.

Тихий, почти неслышный. Так шуршит ткань плаща, когда человек резко поворачивается. Или когда кто-то очень быстро, но очень осторожно отступает в тень.

Дмитрий не стал оборачиваться сразу. Он замер, прислушался. Сердце ударило чаще — не от страха, от адреналина. Он знал этот звук. Он слышал его сотни раз. Кто-то был сзади. Метрах в десяти. Может, меньше.

Он медленно опустил правую руку, нащупал за спиной рукоять меча. Лезвие было длинным, чуть изогнутым, с серебряным напылением. Николай выковал его сам, в своей кузнице на окраине, из старой рессоры и серебряного лома. «Серебро — для вампиров, сталь — для гулей, а рукоять — для тебя, чтобы не забывал, кто ты», — сказал он тогда.

Дмитрий обернулся.

Резко. В пол-оборота. Меч вылетел из ножен со свистом, лезвие блеснуло в свете фонаря, описало дугу.

Никого.

Пустая набережная. Только ветер шевельнул ветку ивы, и с неё сорвалась пригоршня капель, блеснувших в свете фонаря, как стеклянные бусины. Дмитрий постоял секунду, вглядываясь в темноту между деревьями. Потом медленно опустил меч. Но не убрал. Рука ещё долго не отпускала рукоять, а пальцы сами собой проверяли, легко ли выходит клинок из ножен.

«Показалось, — подумал он. — Или нет».

Он вернулся к телу. Присел ещё раз. Посмотрел на ранки. Потом на часы. Потом на воду. И тут заметил то, чего не увидел сразу: на внутренней стороне запястья мужчины, чуть выше часов, был маленький след. Не прокол. Скорее ожог. Круглый, ровный, будто кто-то прижал к коже горячую монету. Или ампулу.

Дмитрий нахмурился. Он видел такие следы раньше. На вампирах, которых ловил. Это был след от инъекции. Кто-то вколол этому человеку что-то перед смертью. Или после. Или вместо.

Он выпрямился. Теперь картина становилась интереснее. Убийство не было просто охотой. Это была казнь. Или эксперимент. Или и то, и другое.

Дмитрий достал телефон, сделал ещё один снимок — запястье, ожог. Потом убрал телефон и посмотрел на часы. Половина четвёртого. До рассвета ещё далеко. У него было время.

Он подошёл к парапету, ещё раз взглянул на лодку. Потом на воду. Потом на мост. И тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ладно. Начнём с лодки.

Но спускаться не стал. Сначала он обошёл мост, проверил подходы, осмотрел гранитные ступени, ведущие к воде. На одной из них, на самом краю, заметил свежую царапину. Будто кто-то зацепился каблуком. Или когтем.

Дмитрий присел, провёл пальцем по царапине. Потом посмотрел на воду. Лодка покачивалась, пустая. Но что-то в ней было не так. Он не сразу понял что. А потом понял: верёвка. Она была привязана к кольцу на парапете, но другой конец уходил в воду. Не просто свисал, а был натянут. Будто что-то — или кто-то — держало его под водой.

Дмитрий выпрямился. Медленно. Осторожно. И в этот момент лодка качнулась сильнее. Из-под воды показалась рука. Бледная, с длинными пальцами. Она ухватилась за борт лодки и подтянула тело — мокрое, в чёрном, с бледным лицом и тёмными глазами. Вампир. Молодой, лет двадцати на вид. Он выбрался в лодку, отжал волосы, посмотрел на набережную.

И увидел Дмитрия.

На секунду они замерли. Потом вампир улыбнулся — почти дружелюбно — и помахал рукой. И прыгнул за борт. В воду. Тихо, без всплеска.

Дмитрий выругался. Подбежал к парапету, перегнулся. Вода была чёрной, неподвижной. Ни кругов, ни пузырей. Вампир ушёл.

Дмитрий постоял ещё минуту, вглядываясь в темноту. Потом убрал меч в ножны. Достал флягу, сделал ещё глоток. Сыворотка обожгла горло. Жажда снова отступила. На время.

Он посмотрел на тело. На лодку. На воду. И тихо сказал:

— Что ж. Значит, у нас появился свидетель. Или соучастник. Или и то, и другое.

Он развернулся и пошёл к машине. Пора было возвращаться в убежище. Пора было начинать охоту.

Глава 2. Сыворотка и жажда

Убежище Дмитрия находилось в подвале заброшенной котельной на Обводном канале. Официально здание числилось аварийным и подлежало сносу ещё пять лет назад, но город всё никак не мог найти подрядчика, а может, просто забыл. Дмитрий был этому рад. Котельная давала ему то, что не могла дать никакая квартира: толстые кирпичные стены, три выхода, включая подземный коллектор, и полное отсутствие соседей. Кроме крыс. Но с крысами он давно заключил перемирие: они не лезли в его комнату, он не ставил капканы в их коридорах.

Он спустился по металлической лестнице, отпер три замка — два обычных, один кодовый, — и толкнул тяжёлую дверь. Внутри пахло сыростью, старым железом и немного — чесноком. Чеснок был везде: сушёные головки висели пучками под потолком, лежали в банках на полках, были нанизаны на нитку над входом. Николай говорил, что это суеверие, что чеснок на вампиров действует не так, как в кино, но Дмитрий всё равно его развешивал. Привычка. И потом, чеснок заглушал другие запахи. В том числе его собственный.

Он снял плащ, повесил на гвоздь у двери. Плащ был тяжёлый, из плотной чёрной ткани, с множеством внутренних карманов. В одном лежала фляга с сывороткой, в другом — запасная ампула, в третьем — набор отмычек, в четвёртом — маленький пистолет с серебряными пулями. Плащ был его вторым домом. Иногда Дмитрий думал, что если его когда-нибудь убьют, то найдут в карманах всю его жизнь, разложенную по отделениям.

Он прошёл в комнату. Здесь было тепло — старый обогреватель гудел в углу, гоняя сухой воздух. Стол, продавленный диван, стеллаж с книгами и банками, компьютер с большим монитором. На стене — карта Петербурга, испещрённая пометками. Красные флажки торчали в шести местах. Шесть убийств за последний месяц. Шесть тел, обескровленных, аккуратных, почти хирургических. И ни одного свидетеля. До сегодняшнего дня.

Дмитрий сел за стол, включил ноутбук. Перенёс фотографии с телефона. Тело, шея, часы, запястье с ожогом. Он увеличил последний снимок. Круглый след, ровный, будто от ампулы. Или от инъектора. Дмитрий знал такие следы. Он видел их на вампирах, которых ловил в прошлом году, — тех, кто пытался сбежать из клана. Им вшивали под кожу микросхемы, чтобы контролировать. Но этот человек был не вампиром. Он был человеком. Или почти человеком.

Дмитрий откинулся на спинку стула. Посмотрел на карту. Шесть флажков. Шесть имён, написанных от руки на маленьких бумажках и приколотых к стене. Он знал всех шестерых. Вернее, знал, кем они были. Сотрудники «ФармСинтеза». Менеджеры, курьеры, один бухгалтер. Все — люди. Все — с одинаковыми ранками на шее. Все — с одинаковыми ожогами на запястьях.

«Кто-то зачищает концы, — подумал Дмитрий. — Или ставит метки. Или и то, и другое».

Он встал, подошёл к холодильнику. Старый «Зил», гудящий так, что иногда казалось, будто он разговаривает сам с собой. Дмитрий открыл дверцу. Внутри — ряд ампул с сывороткой, несколько пакетов с кровью (донорской, из банка, купленной через Алину), банка с чесноком и святой водой. Он достал ампулу, вскрыл, ввёл в вену на сгибе локтя. Жидкость прошла по телу холодом, потом теплом. Жажда, которая всегда сидела где-то под рёбрами, свернувшись клубком, отступила. На несколько часов. Потом вернётся. Она всегда возвращалась.

Дмитрий закрыл холодильник, сел на диван. Посмотрел на свои руки. Длинные пальцы, мозоли от рукояти меча, тонкий шрам на запястье — след от укуса. Десять лет назад. Он был тогда другим человеком. Моложе, глупее, уверенным, что зло — это только люди. Он служил в спецназе, ходил на задания, возвращался домой, пил пиво с друзьями, строил планы. А потом была ночь в заброшенном цехе на окраине, куда его группу отправили проверить сообщение о нарколаборатории. Вместо лаборатории они нашли гнездо. Вампиры. Трое. Или четверо. Дмитрий не помнил точно. Он помнил только, как один из них схватил его за горло, как клыки

вошли в шею, как кровь потекла по груди, тёплая и липкая. Он помнил, как стрелял, как бежал, как упал в сточную канаву и лежал там, глядя в чёрное небо, пока не пришёл Николай.

Старик нашёл его через сутки. К тому времени Дмитрий уже почти обратился. Николай вытащил его, выходил, сделал первую сыворотку. «Ты не вампир, — сказал он тогда. — И не человек. Ты что-то посередине. Это проклятие. Но это и оружие. Выбор за тобой».

Дмитрий выбрал оружие. Он не знал, было ли это правильным выбором. Но это был единственный выбор, который у него остался.

Он встал, подошёл к стеллажу. Достал с верхней полки старую фотографию в рамке. Он сам, десять лет назад, в форме спецназа. Смеётся. Живой. Рядом — друзья, тоже смеются. Двое из них погибли в ту ночь. Третий уволился, уехал в другой город, не отвечает на звонки. Дмитрий не винил его. Он бы тоже не отвечал.

Он поставил фотографию на место. Посмотрел на карту. На флажки. На имена. И тихо сказал:

— Ладно. Начнём с лодки.

Но начать не успел. В дверь постучали. Три коротких удара, один длинный. Николай.

Дмитрий открыл. Старик вошёл, стряхивая снег с куртки. В Петербурге снег в конце октября — редкость, но в этом году зима пришла рано. Николай был в своей обычной одежде: старая куртка, вязаная шапка, очки с толстыми линзами. Ему было шестьдесят, но двигался он как сорокалетний. Двадцать лет охоты не прошли даром: он знал, когда нужно бежать, когда драться, а когда просто стоять и смотреть.

— На канале? — спросил он, садясь на ящик у стены.

— На канале, — ответил Дмитрий. — Мастер. Аккуратно. Две ранки, почти без крови. И ожог на запястье.

Николай нахмурился.

— Ожог?

— Круглый. Как от ампулы. Или от инъектора. Кто-то вколол ему что-то перед смертью.

— Или после.

— Или после.

Николай помолчал. Потом достал из кармана газету. Развернул. На первой полосе — фотография улыбающегося мужчины в дорогом костюме. Подпись: «Губернатор посетил фармацевтический завод „ФармСинтез“».

— Смотри, — сказал старик, ткнув пальцем в фото. — Вот он. Справа.

Дмитрий наклонился. На фотографии, рядом с губернатором, стоял мужчина с бледным лицом и тёмными глазами. Высокий, с длинными волосами, собранными в хвост. Улыбался. Пожимал руку губернатору. На вид — лет сорок. Но Дмитрий знал, что вампиры не старятся. И знал, что этому — четыреста.

— Ярослав Кровавый, — сказал Николай. — Клан «Невские». Генеральный спонсор «ФармСинтеза». Официально — бизнесмен. Неофициально — вампир. И, судя по всему, он решил выйти из тени.

Дмитрий взял газету. Посмотрел на фото. Потом на карту. Потом снова на фото.

— Новый клан, — сказал он. — Они легализуются. Покупают власть.

— Не просто покупают, — ответил Николай. — Они строят структуру. Легальную. С документами, с охраной, с связями в правительстве. Ярослав не просто охотится. Он готовит переворот.

Дмитрий положил газету на стол. Подошёл к карте. Воткнул ещё один флажок — на набережной Грибоедова, у Сенного моста. Теперь флажков было семь.

— Значит, у нас появилась цель, — сказал он.

Николай кивнул. Потом достал из кармана ещё одну бумагу — сложенную вчетверо, помятую.

— Это мне передали сегодня. От информатора. Список. Имена людей, которые работают на Ярослава. Среди них — Виктор. Правая рука. И ещё один — профессор Морозов. Учёный. Он в Сибири, но поддерживает связь.

Дмитрий взял список. Пробежал глазами. Потом посмотрел на Николая.

— Откуда это?

— Не спрашивай. Источник надёжный. Но у него есть условие.

— Какое?

— Он хочет встретиться. Лично. С тобой.

Дмитрий помолчал. Потом сложил список, убрал в карман.

— Ладно. Сначала лодка. Потом встреча.

Николай усмехнулся.

— Ты всегда так. Сначала дело, потом люди.

— Люди — это дело, — ответил Дмитрий.

Он подошёл к холодильнику, достал ещё одну ампулу. Ввёл. Жажда снова отступила. На несколько часов. Потом вернётся. Она всегда возвращалась.

Николай смотрел на него. Потом тихо сказал:

— Ты давно не отдыхал.

— Отдых — для людей.

— Ты тоже человек. Наполовину.

Дмитрий не ответил. Он смотрел на карту. На флажки. На газету. На фотографию Ярослава.

— Значит, «Невские», — сказал он. — Что ж. Посмотрим, какие они, эти невские.

Он взял меч. Проверил, легко ли выходит клинок из ножен. Потом посмотрел на Николая.

— Ты со мной?

Старик вздохнул. Встал. Достал из-за спины дробовик, заряженный серебряной картечью.

— Всегда.

Они вышли из убежища. Снег усилился, ложился на плечи, на асфальт, на крыши. Город будто засыпал, укрывался белым. Дмитрий шёл к машине, и жажда сидела где-то под рёбрами, свернувшись клубком, и ждала. Она всегда ждала. Но пока он мог её контролировать. Пока.

Глава 3. Допрос информатора

Лиговский проспект в пять утра выглядел так, будто его только что покинули все жители. Редкие фонари горели через один, витрины закрыты ставнями, даже круглосуточные ларьки — и те словно затаились, втянув головы в плечи. Дмитрий шёл по чётной стороне, мимо облупленных фасадов и водосточных труб, из которых капало на асфальт с методичностью метронома. Он знал, куда идёт.

Гриша Сорокин был мелким вампиром. Настолько мелким, что даже кланы его не брали — ни «Невские», ни «Кремлёвские», ни сибирские. Он жил на обочине вампирского мира, кормился тем, что оставалось после больших охотников, и зарабатывал на жизнь информацией. Кто, где, когда. Кто с кем спит. Кто что задумал. Гриша знал всё — потому что все считали его настолько ничтожным, что при нём не стеснялись говорить.

Дмитрий находил его в заброшенном бомбоубежище под старым домом на углу Лиговского и Правды. Вход был через подвал, заваленный строительным мусором, но Гриша, будучи вампиром, мог проходить сквозь щели, которые человек не заметил бы и с фонарём. Дмитрий не был человеком. Он видел следы — царапины на бетоне, обрывки ткани на арматуре, слабый запах подгнивших фруктов, тянувшийся из вентиляционного отверстия.

Он спустился по лестнице. Внизу было темно, но его глаза видели в темноте не хуже кошачьих. Бомбоубежище давно превратилось в нору: матрасы на полу, украденные одеяла, старый диван с выдранными пружинами, ящик, служивший столом, и груда журналов, газет и каких-то бумаг в углу. Гриша сидел на матрасе, поджав ноги, и читал потрёпанный детектив. Услышав шаги, он поднял голову, и его бледное лицо исказилось сначала ужасом, потом — попыткой изобразить радушие.

— Дмитрий Андреевич! — воскликнул он, вскакивая. — Какими судьбами? Я думал, вы в Питере, а вы вот… зашли. Проведать. Очень приятно. Чаю? У меня есть чай. Настоящий. Из пакетиков.

— Сядь, — сказал Дмитрий.

Гриша сел. Мгновенно, будто ноги подкосились. Он был худой, суетливый, с длинными пальцами, которые постоянно что-то теребили — край одеяла, пуговицу на рубашке, собственное ухо. Вампиром он стал лет пять назад, но так и не привык. Пил кровь из пакетов, покупал её втридорога у знакомого санитара, и мечтал только об одном: чтобы его не трогали.

Дмитрий присел на корточки рядом. Посмотрел в глаза. Гриша сглотнул.

— Я ничего не знаю, — сказал он прежде, чем Дмитрий открыл рот. — Честное слово. Я вообще в последнее время ни с кем не общаюсь. Сижу тут, читаю. Никого не трогаю.

— Я тебе ничего не сказал.

— А вам и не надо. У вас лицо такое… спрашивающее. Я сразу понял. Вы пришли что-то спросить. А я не знаю. Правда.

Дмитрий молчал. Он умел молчать так, что молчание становилось тяжелее любых слов. Гриша продержался секунд десять. Потом сдался.

— Ладно. Ладно. Что вы хотите знать?

— Набережная Грибоедова. Труп. Мужчина, сорок лет, дорогое пальто. Две ранки на шее. Аккуратно. Крови почти нет. Ты слышал что-нибудь?

Гриша замер. Потом его лицо стало ещё бледнее — хотя, казалось, куда уже.

— Я… я не знаю, о чём вы.

— Гриша.

— Правда не знаю! Я сижу тут. Читаю. Я не в курсе, что там на набережной. Может, это вообще не вампиры. Может, это маньяк. Люди тоже убивают, знаете ли. Иногда даже более жестоко, чем мы.

Дмитрий выпрямился. Медленно. Гриша сжался, будто ожидал удара. Но Дмитрий просто сел на диван напротив. Достал из кармана флягу, сделал глоток. Сыворотка обожгла горло. Жажда отступила. Потом он посмотрел на Гришу.

— Ты знаешь, что я не люблю угрожать, — сказал он. — Но ты также знаешь, что я умею находить информацию. Если я не получу её от тебя, я пойду к другим. К тем, кто менее разговорчив. И тогда, возможно, кто-то пострадает. Не ты. Кто-то другой. А я не хочу, чтобы кто-то страдал из-за твоего упрямства.

Гриша облизал губы. Посмотрел на свои руки. Потом на Дмитрия. Потом на свои руки снова.

— Ладно, — сказал он тихо. — Ладно. Я слышал кое-что. Но это не точно. Понимаете? Слухи. Только слухи.

— Говори.

Гриша вздохнул. Подтянул колени к груди. Обхватил их руками.

— Есть новый наркотик. Называется «Кровь Невы». Делают где-то на заводе. «ФармСинтез», кажется. Варят из крови. Не простой. Вампирской. Смешивают с чем-то. Я не знаю с чем. Но эффект… — Он помолчал. — Люди принимают — и становятся послушными. Как куклы. Сначала кайф, потом — пустота. Они делают всё, что скажут. Ходят, говорят, даже работают. Но внутри — ничего. Гули. Живые мертвецы.

Дмитрий нахмурился.

— Кто за этим стоит?

— Ярослав. Кровавый. Он из старых. Из «Невских». Говорят, ему четыреста лет. Может, больше. Он хочет… — Гриша замолчал. Глаза расширились. Он схватился за голову, будто от боли. — Подождите… подождите секунду…

— Что? Что такое?

— Они… — Гриша захрипел. Из носа потекла кровь. Тёмная, почти чёрная. — Они вшили… микросхему… если я скажу… активируется…

Дмитрий рванулся вперёд. Схватил Гришу за плечи.

— Кто вшил? Где? Говори!

— Ярослав… его люди… всем информаторам… чтобы не болтали… — Гриша смотрел на него, и в глазах у него был ужас — не наигранный, а настоящий, животный. — Я не должен был… я не хотел… я же только…

Тело Гриши выгнулось дугой. Раздался тихий хлопок — будто лопнула лампочка. Из носа, ушей, глаз потекла кровь. Он обмяк, упал на бок, и его лицо застыло в гримасе, которую Дмитрий запомнил надолго.

Он выругался. Тихо, сквозь зубы. Потом присел рядом, проверил пульс. Пульса не было. Гриша Сорокин, мелкий вампир, торговец информацией, читатель дешёвых детективов, был мёртв. Встроенная бомба. Микросхема в мозгу. Активировалась, как только он произнёс имя Ярослава.

Дмитрий выпрямился. Огляделся. В бомбоубежище было тихо. Только капала вода где-то в углу, да где-то наверху проехала машина. Он посмотрел на Гришу. На его лицо. На кровь, которая уже начала подсыхать.

«Они вшивают микросхемы всем информаторам, — подумал он. — Значит, Ярослав готовился. Значит, он знал, что кто-то придёт спрашивать. И значит, он не боится. Он предупреждает».

Он достал телефон. Набрал Николая.

— Гриша мёртв.

— Как? — голос старика был резким.

— Встроенная бомба. В мозгу. Активировалась, когда он назвал имя Ярослава.

На том конце помолчали. Потом Николай сказал:

— Значит, это точно он. И значит, он серьёзен.

— Серьёзнее, чем мы думали. Он не просто охотится. Он строит систему. С информаторами, с наркотиком, с микросхемами. Это не клан. Это корпорация.

— Что будем делать?

Дмитрий посмотрел на Гришу. Потом на свои руки. На них была кровь. Он вытер их о плащ.

— Сначала найдём Алину. Нам нужны данные. Потом — «ФармСинтез». Я хочу знать, что они там варят.

— А Гриша?

Дмитрий помолчал. Потом сказал:

— Я его похороню. Он не заслужил такой смерти. Никто не заслуживает.

Он отключился. Убрал телефон. Присел рядом с телом. Закрыл Грише глаза. Потом достал из кармана маленький блокнот и карандаш — привычка, оставшаяся от армейских времён. Записал: «Микросхема. Активируется при произнесении имени. Ярослав. „ФармСинтез“. Наркотик „Кровь Невы“. Гули».

Он убрал блокнот. Встал. Поднял Гришу на руки — тот был лёгкий, почти невесомый. Вампиры вообще легче людей, но Гриша был особенно лёгким. Будто всю жизнь старался занимать как можно меньше места.

Дмитрий вынес его из бомбоубежища. Наверху было всё так же темно и пусто. Он дошёл до заброшенного двора за домом, где был старый колодец, заваленный досками. Разобрал доски. Опустил тело в колодец. Потом достал из кармана спички — ещё одна привычка. Поджёг. Огонь занялся быстро, вампиры горят хорошо. Дмитрий стоял и смотрел, пока не осталось ничего, кроме пепла.

Потом он завалил колодец досками. Отряхнул руки. Посмотрел на небо. Оно светлело — медленно, неохотно, будто не хотело просыпаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.